

Печатаніе нумера начато въ 6 час. утра.

Всѣ статьи и извѣстія, доставляемыя въ редакцію, должны быть за подписью и адресомъ автора, иначе онѣ не будутъ напечатаны.

Выходитъ ежедневно, кромѣ дней праздничныхъ и воскресныхъ.

СЪВЕРНАЯ ПЧЕЛА.

Статьи, признанныя редакціею въ печать, сохраняются въ редакціи четыре мѣсяца, а потомъ уничтожаются.

Библиографическія объявленія, для напечатанія въ Сѣверной Пчелѣ, принимаются въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа, въ Гостиномъ дворѣ, №№ 18-й и 19-й.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА СЪВЕРНУЮ ПЧЕЛУ СЪ ПОСРЕДНИКОМЪ 1861 ГОДА.

	На годъ.	На полгода.	На три мѣсяца.
въ С. Петербургѣ, безъ доставки	12 р.	7 р.	3 р. 75 к. сер.
» » съ доставкою	15 »	8 » 50 к.	4 » 50 » »
Съ пересылкою въ города	16 »	9 »	5 р. сер.

Отдѣльные нумера Сѣверной Пчелы продаются по 10 к. сер. за нумеръ.

№ 4.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

1861.

ЧЕТВЕРТОКЪ, 5-го Января.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ С. Петербургѣ, въ Конторѣ Редакціи Сѣв. Пчелы, на Мойкѣ, подлѣ Почтамтскаго мостика, въ домѣ А. ст. сов. Греча, № 90-й, и въ книжномъ магазинѣ: гг. М. О. Вольфа, Я. Исанова, Давыдова, Лермантова и пом. и Ратанова; въ Москвѣ, у Ф. О. Свѣшниковъ и у Н. В. Базунова; въ Варшавѣ, у В. М. Истомина. — Внегородные благоволятъ адресоваться прямо въ Контору Редакціи.

Контора открыта съ осьми часовъ утра до пяти часовъ пополудни.

ЗАМѢТКИ КИРГИЗА О КИРГИЗАХЪ.

(Статья хаджи Мухаммедъ-Салиха Бабаджанова *).

Ставка при Нарынъ-Пескахъ, во
внутренней Виргизской орды.

2-го декабря 1880 года.

Скоро ожидаемъ возвращенія Карла Ивановича. Онъ повезъ къ новому генераль-губернатору очень много проектовъ и представлений по дѣламъ нашей орды. Проекты эти преимущественно касаются управленія ордою и основанія мѣста для главнаго управленія, т. е. временнаго совѣта орды. Онъ до сихъ поръ находился въ ставкѣ, которую основалъ еще покойный ханъ Джангеръ. Въ настоящее время эта ставка занята нарынскими пескомъ такъ, что въ ней очень трудно жить. Переносъ ставки у насъ теперь одинъ изъ саможивотрепещущихъ вопросовъ. Чѣмъ онъ рѣшится, неизвѣстно. Имъ очень интересуются и чиновники, здѣсь служащіе, и киргизы, ибо отъ болѣе удачнаго выбора мѣста для ставки будетъ зависеть болѣе вѣрное достиженіе выгоды ордынцевъ путями управленія, развитія умственныхъ способностей народа и торговли. До прошлаго года объ этомъ велась только секретная переписка у председателя совѣта, а съ пріѣзда и назначенія на эту должность Карла Ивановича, оно сдѣлалось известнымъ почти каждому киргизу. Признаться, мы нисколько не обрадовались, когда узнали, что выборъ бывшихъ до Карла Ивановича председателямъ надать на мѣста, далеко несоответствовавшія выгодамъ орды и управленія. Объ этомъ нужно бы было поговорить съ вами много; но я оставлю это до другаго письма, къ которому

* Авторъ этого письма, совѣтникъ временнаго совѣта управленія Внутреннею (Букеевскою) киргизскою ордою, хорунжий и кавалеръ, хаджа Мухаммедъ, Салихъ Карауловъ Бабаджановъ, получивъ образованіе въ Оренбургскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Въ корпусѣ и въ первые годы дѣйствительной службы этотъ потомокъ Мухамеда (пророка) носилъ военную казацкую форму, но съ назначеніемъ въ настоящую должность облекся въ народный халатъ и живетъ совершенно на киргизскую ногу въ стени, въ ставкѣ при Нарынъ-Пескахъ, въ зооложской сторонѣ Астраханской губерніи; впрочемъ, съ усвоенными привычками европейской жизни и съ просвѣщеннымъ взглядомъ вообще на жизнь г. Бабаджановъ не разстался, хотя въ душѣ онъ — твердый мусульманинъ.

Въ бытность въ Петербургѣ нынѣшнимъ лѣтомъ, г. Бабаджановъ представилъ мнѣ право распоряжаться его письмами по собственному моему усмотрѣнію.

Одно изъ этихъ писемъ, именно послѣднее, мною полученное отъ 2-го декабря, считаю за долгъ сдѣлать достояніемъ гласности и интересомъ его содержанія не могу не подѣлиться со всѣми любознательными людьми.

И. Небольсинъ.

намѣренъ приложить планъ Внутренней орды, съ обозначеніемъ кочевокъ каждаго рода, по-ваго раздѣленія орды на части и свойства земли, занимаемой ордою. По плану этому намъ будетъ легче объяснить условія жизни и характеръ киргизовъ въ разной части. До того времени и я еще не приступаю къ описанію, т. е. къ ознакомленію васъ съ разными обычаями и правами нашихъ киргизовъ.

На этотъ разъ я ограничусь объясненіемъ состоянія въ ордѣ грамотности и предѣловъ нравственнаго образованія, начавъ это бѣлымъ и краткимъ описаніемъ хода ихъ со дня появленія у киргизовъ. До 1801 года киргизамъ нашимъ слово «письмо», было совершенно непонятно; оно представлялось имъ какимъ-то баснословнымъ дѣйствіемъ, какъ, напримеръ, пареніе въ воздухъ. Съ этого времени, т. е. съ перехода на эту сторону Урала, у насъ стали понимать, что письмо — не мѣть, и что въ иныхъ случаяхъ оно могущественное словеснаго выраженія желанія. Пониманіе это произошло оттого, что когда бывшіе наши ханы получали откуда нибудь бумагу, то въ ней заключалось всегда какое нибудь извѣстіе или новость. Въ слѣдствіе письма отъ хана происходили какія нибудь распоряженія, касавшіяся или многихъ, или немногихъ ордынцевъ. Требованиямъ сосѣднихъ русскихъ начальствъ, не смотря на отговорки киргизовъ и на проволочку, не забывались, а повторялись опять по прошествіи нѣкотораго времени. Вообще же всякое важное отъ начальства порученіе, награда или какая другая милость или повелѣніе, передавалось на письмѣ. Такимъ образомъ, письмо и бумага дѣлаю очень много въ народѣ шуму и толковъ. Всѣ, даже самъ всемогущественный ханъ, не могли не повиноваться письму. Это доказало киргизамъ силу грамотности. Потому они видѣли, что при ханѣ и при родоправителяхъ есть люди грамотные, которые пользуются почетомъ и содержатся ближе другихъ къ этимъ начальникамъ. Кроме этого, между киргизами стали появляться какіе-то татары-муллы, которые, объясняя правила магометанской религіи, ссылались на письмо въ подтвержденіе истины своихъ словъ. Объ этихъ, или вообще о муллахъ, киргизы имѣли понятіе и за Ураломъ, но тамъ они были рѣдки и не такъ замѣтны. Муллы эти, какъ учителя правотворія, пользовались почетомъ: ихъ всездѣ угощали до сыта, дѣлали имъ приношенія и слова ихъ принимались безпрекословно. Они и сами постарались развить между киргизами въру въ ирвосокство ученія словъ *благороднаго* корана, и киргизы, видя прирѣкъ на *муллахъ*, *письмоводителяхъ*, что ученость и грамотность придастъ человѣку почетъ въ обществѣ, приносятъ подаянія въ нуждѣ и кормить лучшимъ кускомъ послѣ начальническихъ лицъ, стали понимать и пользу грамотности.

Когда же такимъ образомъ киргизамъ стала понятна и сила и польза ученія, они начали призывать къ себѣ муллъ, въ качествѣ домашнихъ учителей. Конечно, это дѣлали сначала богатые, такъ сказать, передовые люди того времени, а средняго и бѣднаго состоянія люди отдавали своихъ мальчиковъ къ этимъ мулламъ. О русской грамотѣ долго не было и помину. Впрочемъ, до тридцатыхъ годовъ и муллъ бывало очень мало. Говорятъ, что когда нужно бывало по случаю смерти какого нибудь киргиза совершить надъ нимъ отходную молитву по магометанскому закону, то, для отысканія гдѣ либо муллы, родственники умершихъ ѣздили за 50, 100 и 150 верстъ! Мнѣ сказывалъ одинъ киргизъ, что ему было лѣтъ двѣнадцать, когда онъ, нѣсколько поучившись грамотѣ, отсталъ отъ муллы. Однажды случилось, что вблизи его умеръ одинъ киргизъ. Родственники покойнаго, зная, что этого мальчикъ нѣкоторое время обучался у муллы, заставили его прослужить умершему отходную молитву. Онъ исполнилъ это далеко не въ точности и дѣло сошло тѣмъ же рукамъ: повѣритъ было некому.

Такое состояніе невѣжества, я полагаю, должно отнести къ тому, что, для пріобрѣтенія познаній и грамотности, у киргизовъ въ то время были очень скудные средства. Вообще же, по понятіямъ народа, ученые никогда не отвергались; у насъ даже издревле составлялась поговорка стариковъ: «Сына своего отдай или муллѣ, или въ общество». Тутъ, въ первомъ случаѣ подразумевается ученые у муллы, а во второмъ — прирѣкъ людей. Но, несмотря на это завѣтное изрѣченіе, мы долго оставались невѣждами, долго не могли найти учителей для необходимаго въ день пятикратнаго моленія, что составляетъ необходимый долгъ мусульманна. Вы, я думаю, не сомнѣваетесь, что въ душѣ всякій киргизъ есть магометанинъ суннитской секты, но этого не замѣчается между ними отъ нетвердаго знанія ими правилъ религіи и смѣшенія съ ними народныхъ обихованій. Какъ ни старались и ни стремились киргизы къ обученію, по ученіе это шло чрезвычайно туго; ибо, въ первыхъ для этого не было достаточныхъ преподавателей, во-вторыхъ, оно отнимало время у мальчиковъ, которые могли бы смотрѣть за козлятами, ягпатами и телатами, и, въ-третьихъ, оно считалось самымъ труднымъ дѣломъ. Но немнѣно порядочныхъ и толковыхъ руководствъ къ изученію татарской грамоты (у киргизовъ, татаръ, персіанъ и арабовъ буквы и письмо — одно и то же; мальчики сжижали лѣтъ по 5-ти и болѣе за складами и не могли выучиться читать. Писать же не удавалось многимъ вовсе: до сихъ поръ многіе ученики того времени, умѣя читать, не могутъ написать ничего. Трудность этого дѣла сравнивалась и нынѣ сравнивается съ трудностью

вырыть колодезь иглою! Этот взгляд на учение представлял его въ умахъ многихъ такою преградой, что перейти ее казалось невозможнымъ: не смотря на сознание потребности учиться, всякое стремление къ тому тотчасъ же уничтожалось при самомъ своемъ зарожденіи. Къ этому прибавьте еще жестокое и слишкомъ строгое обращеніе муллы съ учениками и вы будете имѣть достаточное понятіе о медленномъ ходѣ въ ордѣ ученія и грамотности. Въ глазахъ мальчиковъ муллы садылись пугаломъ. Когда мальчики плачутъ или шалить, то матери и отцы для удержанія ихъ говорятъ: «мулла идетъ, или мулла скажу!» Этого слова боится мальчики даже поспытавшіе жестокости муллы. Вѣроятно, на нихъ дѣйствуютъ тоны и выраженіе, съ которыми оно произносится родителями.

Для юнаго пониманія жестокости обращенія муллы съ дѣтьми, я опишу здѣсь одинъ день занятій ихъ дѣтьми отъ шести до четырнадцати-лѣтняго возраста.

Утромъ, какъ только солнце взойдетъ въ дереву вышнюю (киргизы говорятъ: въ арканъ, т. е. 13 саж.), мальчики, вставъ со сна, должны отправиться къ кибитку или джулоейку муллы. Войдя туда, онъ останавливается у порога кибитки, почтительно складываетъ на грудь обѣ руки и произноситъ громко: «ассаламо-галлякъ!» * Потомъ идетъ къ муллѣ и садится на колѣни противъ него шагахъ въ полутора или двухъ. Затѣмъ беретъ тетрадь или книгу и начинаетъ читать вслухъ заданный ему вчера урокъ. Приходить другой, третій и четвертый и т. далѣе ученики, и всѣ должны выдѣлывать тѣ же приемы, такъ же привѣтствуютъ учителя, садятся и читаютъ. Учитель, не вставая съ мѣста, привѣтствуетъ каждаго ученика «а-галлякъ-мо-ссаламъ». (и надъ тобою да будетъ благословеніе.) Изъ учениковъ составляется полукругъ передъ лицомъ учителя. При этомъ могутъ быть между учащимися и дѣвочки, къ которымъ въ обращеніи учитель выказываетъ одинаковую съ мальчиками строгость. До самой половины дня продолжается самое шумное и крикявое ученіе. По временамъ, мулла покривается «громче!» и напуганные мальчики кричатъ что есть силы. Между тѣмъ, кто приготовилъ урокъ, тотъ выдвигается ползкомъ къ учителю и прочитывается по тетради свой урокъ. Если онъ выдержалъ экзаменъ хорошо, то ему задается новый урокъ; до выхода и по приходѣ, до отвѣта передъ учителемъ, мальчикъ можетъ о недоразумѣніяхъ спросить, указавъ на непонятное имъ слово или букву травкой, или спичкой, отстроганной отъ щепки. Показывать пальцемъ не дозволяется, чтобы не замазывать тетради. На начинающихъ учиться азбука пишется на небольшомъ

По-арабски: да будетъ надъ тобою благословеніе (Божіе!)

лоскуткѣ бумаги, который вставляется нижнимъ концомъ въ раздвоенную палочку и вручается ученику для того, чтобы онъ отъ перетиранія въ руки не запачкалъ и не испортилъ азбуки. Во все время занятій мальчикъ долженъ смотрѣть только на тетрадь и читать громко; шалить или вставать съ мѣста и разговаривать съ товарищами строго воспрещается, подѣ опасеніемъ наказанія пощечиной, ударами кулака, топтаніемъ ногами и подобны легкой нагайкой или небольшого прутика за ушью. Кроме этого, очень жестоко, до крови друтятъ за уши. Боже, охраня, если бы кто либо изъ учениковъ ошибся въ правилномъ произношеніи! Тогда мулла поправляетъ его выговоръ и если это ученикъ перейметъ нескорю, то мулла беретъ его руки за языкъ и вертитъ такъ сильно, что у бѣднаго ученика выступаютъ изъ глазъ слезы, а изо рта кровь. Это называется поправленіемъ языка, и на всѣ эти жестокости жаловаться не кому; ибо, по существующему повѣрью, тѣ мѣста на тѣлѣ, по которымъ билъ мулла, не будутъ горѣть и въ аду. Не смотря на любовь и лѣнность родителей, и они не защищаютъ своихъ дѣтей отъ побоевъ учителя. Напротивъ, отдавая симъ послѣднимъ учить дѣтей, говорятъ: «пусть мясо его будетъ ваше, а мѣтъ возвратите кости!» Если же родители особенно чувствительны къ дѣтямъ, то они все-таки не воображаютъ о возможности ученія безъ побоевъ и жестокостей и не смѣютъ защищать дѣтей передъ учителями, а только могутъ отказаться отъ ученія. Отъ этого, конечно, только что привеченный къ ученію киргизъ, отходить еще далѣе отъ благотворнаго его вліянія и снова гибнетъ во мракѣ невѣжества. Вотъ трудности и препятствія, съ которыми киргизы борются на пути развитія!

Въ послѣднее время, начиная съ утвержденія на ханское достоинство Джангера Букеева, ученіе наше пошло гораздо быстрѣе и обширнѣе. Какъ по вліянію и содѣйствию этого хана, такъ и по другимъ обстоятельствамъ, въ ордѣ стали сознавать потребность грамотности. Для поощренія учениковъ и обучающихъ покойный ханъ не жалѣлъ ни денегъ, ни собственнаго старанія и внушенія ордынцамъ о пользѣ образованія. Въ ставкѣ своей онъ учредилъ школу, въ которой обучалось до 60 человекъ; правилимъ магочетанской религіи, русской грамотѣ и отчасти русскому языку. Школа эта существуетъ все еще въ ставкѣ подъ названіемъ «Джангеровской школы»; въ ней до 30 мальчиковъ содержится на счетъ ордынскаго хозяйственнаго капитала. Вообще можно, да и должно, сказать, что Внутренняя орда нравственною своею жизнью и развитіемъ умственныхъ своихъ способностей много обязана Ханамъ Букею и Джангеру въ особенности. Первые

* При этомъ, чтобы съ языка не соскльзнула рука, обвертываютъ ее платочкомъ.

изъ нихъ вызвалъ изъ глубины степей нашихъ киргизовъ и привелъ на астраханскія земли, гдѣ киргизы подъ влияніемъ остывшихъ съсѣдей получили кроткій нравъ; второй собственнымъ примѣромъ усердія и рвенія къ ученію татарской грамоты, правиламъ ислама и русскому языку и гисмуду доказалъ киргизамъ, что учиться никому неувидительно и никогда непоздно.

Ханъ Джангеръ особенною милостію и вниманіемъ отличалъ людей, занимающихся ученіемъ, то; говлею или какимъ нибудь мастерствомъ. Мулла при немъ получали должностъ и званіе «указанныхъ мудлы»; они обязывались обучать дѣтей, совершать обряды погребенія умершихъ и бракосочетанія и сдѣлать за дачею новорожденнымъ киргизамъ приличныя имения. (Надобно вамъ сказать, что имена у киргизовъ часто въ переводѣ и въ смыслѣ народной рѣчи имѣютъ самыя неприличныя значенія). Мудлы эти, кромѣ того, пользуются привилегіей не платитъ подати со скота и избавляются отъ тысячнаго казненія. При Джангерѣ въ орду въ значительномъ количествѣ появились татары, которые занимались или обученіемъ дѣтей татарской грамоты, или торговлей. Впрочемъ и то и другое киргизамъ оказало нѣкоторую пользу: въ первомъ случаѣ у насъ распространилась грамотность, въ последнемъ — киргизы, по примѣру ихъ нынѣ, хотя въ незначительномъ числѣ, занимаются торговыми оборотами. Умноженію въ то время въ орду татаръ способствовало и то, что одна изъ умершихъ уже жель хана, бывъ сама татаркой по происхожденію, оказала имъ покровительство. Вообще же вліяніе татаръ на киргизовъ — вредное; ибо они, вмѣстѣ съ правилами ислама, передаютъ киргизамъ свои народныя суевѣрія и приучаютъ ордынцевъ къ кляузамъ и мошенничеству. Я потому еще полагаю вліяніе и примѣръ татаръ вреднымъ, что они, при ужасномъ фанатизмѣ, въ продолженіе столь давняго съ русскими проживанія нисколько (говоря о большинствѣ) не ушли отъ своего грубаго, законскаго невѣжества. Не дай Богъ, чтобы киргизы последовали имъ въ этомъ! У русскихъ такъ много хорошаго, что мы готовы перенять то съ душевною радостію. У насъ еще одно вліяніе распространили татары: это — значительное употребленіе чая. Теперь почти половина орды пьетъ чай. Очень многимъ это нисколько не по недостатку; но что же дѣлать? обь, этохъ и старикъ жалуютъ. Да нельзя отстранить: «привычки». Достоинъ замѣчанія то, что киргизы 2-го прикаспійскаго округа, кочующіе близъ Красноярскаго уѣзда, Астраханской губерніи, употребляютъ кирпичный чай. Это они приваили отъ кочующихъ тамъ кундровскихъ и астраханскихъ татаръ, для которыхъ этотъ чай составляетъ необходимость. Кстати о кундровскихъ татарахъ. Они, говорятъ, прежде были богачи-ско-

• Ниче, говорятъ, голова болать.

тороды, но въ послѣдствіи обѣднѣли отъ чрезмѣрныхъ расходовъ на чай. Помня это, наши старика очень безпокоятся, чтобы и насъ не постигла такая же участь. Въ тѣхъ же мѣстахъ по примѣру тѣхъ татаръ и въ окрестностяхъ сѣрвыи по примѣрамъ русскихъ распространяется начинаеть куреніе табуна и употребленіе горячихъ напитковъ. Вліяніе послѣднихъ для киргизовъ чрезвычайно пагубно; ибо они не знаютъ мѣры въ ихъ употребленіи и это почти всегда обращается имъ во вредъ. Что киргизы почти на половину нюхаютъ табакъ въ мось и снѣздавна, это, я думаю, вамъ известно. Я потому включилъ здѣсь слово «въ мось», что за Ураломъ я встрѣчалъ киргизовъ, которые нюхательный табакъ щепотками клали въ ротъ и это у нихъ называется тоже нюханіемъ. Извините, что я въ этомъ мѣстѣ привелъ очень много замѣчаній, неподходящихъ къ дѣлу, но это я сдѣлалъ съ тѣмъ, чтобы послѣ не позабыть вамъ сказать о нихъ.

Я остановился на томъ, что татары способствуютъ къ развитію грамотности. Далѣе, ханъ Джангеръ, когда въ Оренбургѣ образовалось Неплюевское военное училище, отправилъ туда для образованія трехъ мальчиковъ, именно султановъ Кучакъ-Галия Шигаева, Шамсидина Досказиева и Ходжу Куббулына Караулова, отъ которыхъ не столько помогали этого образованія родители, сколько на то было желаніе хана. Досказиевъ не кончилъ курса и, возвратясь въ орду, до настоящаго поръ живеть здѣсь безъ всякаго значенія. Шигаевъ нынѣ состоитъ на службѣ въ чинѣ есаула и занималъ въ орду весьма значительныя должности. Карауловъ, братъ мой, по окончаніи въ училищѣ курса наукъ, служилъ при ханѣ и въ послѣдствіи былъ правителемъ его канцеляріи; онъ умеръ въ 1844 году. Оба эти послѣдніе въ свою очередь много содѣйствовали въ орду распространенію въ народѣ грамотности и русскаго образованія. Послѣ этихъ трехъ султановъ ханъ еще посылалъ въ то же училище дѣтей здѣшнихъ ордынцевъ и, чтобы къ поощренію другихъ показывать личный примѣръ, въ главѣ ихъ отправилъ своего сына, Зюлькарпейна, который умеръ, не успѣвъ окончить своего образованія. Изъ тѣхъ послѣднихъ дѣтей въ настоящее время въ орду служатъ двое: одинъ совѣтникомъ временнаго совета, другой управляетъ 1-мъ округомъ приморскихъ киргизовъ. Само собою разумется, что, испытавши на себѣ и вкусувши плоды просвѣщенія, и эти двое не упускали случая внушать и доказывать киргизамъ пользу пріобрѣтенія познаній. Въ это время уже почти у каждаго зажиточнаго и вліятельнаго въ орду челоука образовались домашнія школы и въ каждой изъ нихъ обучалось отъ 10 до 70 челоуковъ. Ученіе всѣхъ заключалось въ правилахъ магометанской религіи, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ преподавалась и русская грамота и языкъ. Такъ какъ во всей Оренбург-

ской губерши особенно славится хорошимъ преподаваніемъ правилъ ислама одиъ мулла Стерли-тамацкаго уѣзда, называемый «Ишаномъ», то ханъ посылалъ обучаться и къ нему одного изъ своихъ сыновей при нѣсколькихъ киргизскихъ мальчишкахъ. Но этотъ сынъ хана, по имени Искендеръ, не дожилъ до возможности, — умеръ. Изъ числа бывшихъ при немъ товарищей одинъ киргизъ но-гаева рода, по имени Айджарыкъ, оказался съ такими способностями, что совершенно исчерпалъ чашу тамошняго ученія до дна и, возвратившись домой въ аутъ, все еще искалъ возможности продолжать ученія. Родственники его женили, но онъ, послѣ первой ночи, опять поѣхалъ къ Ишану учиться. Такъ какъ тамъ затруднялся его учить, то онъ отправился въ Бухару, гдѣ довершивъ свое образованіе, въ 1849 году возвращался въ орду чрезъ Оренбургъ. Тамъ ему не дозволили вѣхать въ орду, какъ получившему образованіе за границей, впрочемъ дозволили одинъ годъ прожить въ Оренбургѣ и вѣлѣли вернуться въ Бухару. Между тѣмъ жена его, жившая все время съ примѣрно-добродѣтельнымъ поведеніемъ, провела съ нимъ годъ въ Оренбургѣ. Потомъ мужъ уѣхалъ въ Бухару, а она вернулась въ орду. Въ настоящее время у ней есть прекрасный мальчикъ, прижитый отъ мужа въ Оренбургѣ, и сама до сихъ поръ не хочетъ ни за кого выходить замужъ. Въ Оренбургѣ я видѣлъ Айджарыка, бывши еще кадетомъ, и онъ мнѣ сказалъ, что изъ Бухары онъ возвратился послѣ 18—ти-лѣтняго тамъ проживанія. Киргизамъ очень хорошо извѣстно, что онъ въ правилахъ религіи приобрѣлъ глубокія познанія и очень жалитъ, что имъ нельзя пользоваться имъ. Кромѣ Айджарыка, примѣры отправленія киргизовъ въ Бухару очень рѣдки.

Мулла Айджарыкъ мнѣ особенно памятенъ по одному случаю. Въ Оренбургѣ одинъ татаринъ спорилъ со мной, что я, приписывая грозы и молнію силѣ какого-то электричества, дѣлаю противными правиламъ вѣры; ибо, по существующему повѣрью, облаками завдѣваетъ одинъ ангелъ, по имени Рагавъ, который повѣлываетъ и кричитъ на облака, чтобы они лили дождь, и при этомъ отъ его кнута сыплются искры. На это я требовалъ доказательства словами корана. Онъ ссылался на тамошнихъ муллъ изъ татаръ; но имъ и не довольствовался, а выбралъ Айджарыка, прозваннаго въ Бухарѣ «Камареддиномъ», дуною вѣры. На это и татаринъ согласился. Когда мы вмѣстѣ спрашивали Камареддина о причинахъ грома и молніи, то онъ сказалъ намъ самымъ краткимъ и убѣдительнымъ голосомъ: «Господи! въ Бухарѣ и вообще я обучался правиламъ вѣры, которыя направляли меня къ истинному служенію Богу. Объяснять вамъ физическія явленія я не могу: это дѣло астрономовъ. Дѣло муллъ

наставлять къ правильному почитанію и служенію Богу. Но я слыжалъ, что астрономы объясняютъ и приписываютъ это явленіе взаимному тренію и разрыванію облаковъ.» Татаринъ былъ принужденъ сконфузиться за нелѣпость своего спора.

Я опять уклонился отъ предмета нашей бесѣды.

Въ 1840-хъ годахъ уже нѣкоторые киргизы, преимущественно почетные, стали посылать своихъ дѣтей для обученія въ г. Астрахань, которая создала для орды нѣсколько грамотныхъ по-русски людей. Но Астрахань, не смотря на близкое соудѣство къ намъ, не могла оказать и до сихъ поръ благотворнаго вліянія на развитіе наше. Тѣ, которые тамъ обучались, нанимали частныхъ учителей, что, вмѣстѣ съ содержаніемъ, стоило весьма дорого, и ученые не могли пойти далеко. Къ начальству тамошнему наши киргизы не имѣютъ никакихъ прямыхъ отношеній; въ городѣ хотя бывають осенью и зимою киргизы въ довольно значительномъ числѣ, но — по самой необходимости (для покупки хлѣба и другихъ товаровъ) и то стараются скорѣе уѣхать; ибо тамъ избалованные жители забрасываютъ киргизовъ камнями, а армяне и татары обижаютъ ихъ самымъ кощеническимъ и безчеловѣчнымъ образомъ. Къ тому же, примите въ соображеніе, что Астрахань по своей отсталости еще и сама не можетъ служить наставницей. Не знаю, какова она теперь, но года за три предъ симъ въ ней незамѣтно было никакого прогрессивнаго стремленія. Уральцы, снываея предѣлами своей земли съ ордою на 500 верстъ, въ продолженіе 60-ти лѣтъ своего соудѣства не могли дать для орды болѣе пяти человекъ грамотныхъ людей, т. е. выучить нашихъ же читать и писать по-русски.

Я пропустилъ было трудности дороги изъ орды въ Астрахань: тутъ киргизъ долженъ переѣхать множество рукавомъ Волги, на которыхъ перевозныя лодки существуютъ въ самомъ плачевномъ состояніи, на которыхъ рискнуть переломить себя шею или лошади ногу, а плата — самая тягостная, въ особенности чрезъ р. Ахтубу и Бузанъ. Между этими рукавами кочуютъ калмыки и кундровскіе татары, которые грозятъ киргизамъ лишеніемъ жизни для ограбленія прогоняемаго въ Астрахань скота, а на обратномъ пути — денегъ или купленныхъ вещей. Отъ этой опасности намъ киргизъ скорѣе готовъ вѣхать за чѣмъ нибудь одинъ за 900 верстъ въ Оренбургъ, чѣмъ за 150 верстъ впятую. Туда обыкновенно отправляются, собравшись большими партіями. Это обстоятельство оставляетъ Астрахань отъ насъ въ замкнутомъ положеніи: въ такомъ же почти положеніи остаются отъ насъ и приволжскія селенія русскихъ крестьянъ, начиная отъ Астрахани до г. Царева. Между ними и границею киргизскихъ земель имѣшались тоже калмыки,

которые, вмѣсто способствованія нашимъ къ сообщенію съ крестьянами, прергаждаютъ путь ровностью, грабежами и отнятіемъ. Съ сѣвера орда граничитъ Новоузенскимъ уѣздомъ, съ юга приморскими рыболовными промыслами князя Юсупова и графа Безбородки-Кушелева, и во всѣхъ этихъ мѣстахъ обитають страшные мужики. Киргизамъ у нихъ учиться нечему.

При такихъ средствахъ орды къ развитію, потерявъ всякую надежду на соудѣствие сосѣдей, ханъ Джангеръ старался усилить образованіе ордынцевъ внутри земли ихъ и открылъ единственный источникъ въ этомъ родѣ въ Оренбургѣ, гдѣ въ учрежденный Неплюевскій кадетскій корпусъ въ разрѣшеніе начальствомъ принимать изъ нашей орды 10 мальчиковъ во 2-мъ эскадронѣ, или азіатскомъ отдѣленіи онаго. По этому въ 1845 году ханъ обращался къ почетнымъ лицамъ орды объ отдачѣ сыновей въ оренбургскій корпусъ. Но въ то время наши сообщенія съ Оренбургомъ были очень рѣдки и онъ казался для нашихъ киргизовъ недоступною далью. Это было причиною того, что родители не вдругъ согласились на отдачу дѣтей въ корпусъ. Преимущественно противъ этого возраставали матери, которыя, судя по жестокости обхожденія при ученіи мусульманскихъ муллъ, боялись, что русскій мулла можетъ совсѣмъ заморить дѣтя. Къ тому же, тогда былъ слухъ, что ученикъ у русскихъ не долженъ сидѣть во время занятій и, чтобы онъ не развлекался по сторонамъ, кругомъ головы его обвѣшавливаютъ острия шилья, которыя при малѣйшемъ движеніи могутъ уколоть невнимательнаго ученика. У хана въ то время одинъ сынъ воспитывался въ пажескомъ корпусѣ. Примѣръ нахождения его тамъ тоже не могъ побѣдить въ матеряхъ страха отъ русскихъ муллъ: онѣ полагали, что ханскій сынъ потому можетъ существовать при русскомъ ученіи, что ему, какъ сыну важной особы, дѣлають тамъ особенное снисхожденіе. Ханъ нашелся принужденнымъ еще однимъ сыномъ пожертвовать оренбургскому корпусу, пославъ его въ главѣ восьми мальчиковъ изъ дѣтей почетныхъ ордынцевъ. Я говорю потому: пожертвовать, что ханъ имѣлъ возможность и этого сына воспитывать въ Петербургѣ и сознавалъ превосходство тамошняго образованія предъ оренбургскимъ, въ Оренбургѣ же послѣ этого рѣшился послать его только для поощренія примѣромъ. Въ числѣ послѣднихъ девяти мальчиковъ находился и я.

Мы воспитывались въ жангеровской школѣ, которая какъ тогда, такъ и нынѣ считается въ родѣ приготовительнаго класса для кадетскаго корпуса. Однажды вечеромъ насъ позвали къ хану и предварили, что онъ будетъ выспрашивать наше желаніе о поступленіи въ корпусъ. У хана было приготовлено для насъ угощеніе, сообразное съ нашимъ возрастомъ. Онъ принялъ насъ

очень ласково и спрашивать о желаніи. Наперерывъ одинъ передъ другимъ мы изъявляли согласие и готовность. Послѣ этого ханъ роздалъ намъ горстями мелкихъ серебряныхъ монетъ и отпустилъ. Это было зимою въ началѣ 1845 г. Потомъ мы узнали, что лѣтомъ въ полѣ насъ отпирать въ Оренбургъ. Съ наступленіемъ канникуларнаго времени, считающагося съ 1-го мая по 1-е октября, мы разѣхались по домамъ, съ тѣмъ, чтобы къ первому іюлю собраться на лѣтнюю кочевку хана на р. Торгунъ. Мнѣ было тогда 11 лѣтъ, по я хорошо помню наше отправление въ Оренбургъ. Оно было торжественно. Самъ ханъ съ почетной свитой своей и собравшимися къ тому времени киргизами, въ числѣ 80 человекъ, выехали провожать насъ. Прѣхавъ верстъ пять, остановились всѣ, и насъ привели къ хану, который, равно какъ и всѣ прочія бывшія тутъ лица пожелали намъ добраго пути. Слѣзъ здѣсь было достаточно и со стороны мальчишковъ, и со стороны провожаншихъ. Я не плакалъ, потому что изъ своего дома выѣхалъ давно и въ числѣ провожаншихъ не было близкихъ мнѣ родныхъ. Мать моя, провожая меня изъ дома, плакала горько и уговаривала не ѣхать. Только благоразумная воля отца и мое собственное желаніе были причиною того, къмъ меня теперь видите. Не смотря на горестъ подобной разлуки, на трудность усенія въ ордѣ, по энергическому направленію хана Джангера, воспитаніе дѣтей въ послѣдніе годы жизни его у киргизовъ было самымъ моднымъ и общимъ занятіемъ. Только по недостатку способовъ обучаться по-русски, все стараніе киргизовъ обратилось на образованіе себя въ знаніи правилъ вѣры. Едва ли не приходило въ то время на каждыя 25 къбитокъ по одному муллѣ и медресе. У нѣкоторыхъ дѣти стали посылаться и въ Казань, но всего чаще ѣздили въ Стерлитамацкій уѣздъ къ Ипану, для поклоненія и ученія. Такъ въ деревнѣ Стергибашевой есть родъ магометанскаго монастыря, гдѣ постоянно проживаетъ отъ 300 до 700 человекъ учащихся и поклонниковъ, проживаютъ отчасти на свой счетъ и отчасти на счетъ пріющенной другіихъ.

Ханъ жилъ чрезвычайно великодушно, развилъ вкусъ у своихъ подчиненныхъ; постоянно добывалъ вещи и изобрѣтенія цивилизованнаго круга людей и все это показывалъ киргизамъ, приобщая ихъ ко всему лучшему и полезному, и совершенно убѣдилъ, что, кромѣ существованія въ ордѣ, есть еще лучшая и прочная жизнь, и производилась въ городкахъ. Два или три раза отправлялся въ Петербургъ, Оренбургъ, Москву, Астрахань и Саратовъ, онъ забиралъ съ собой значительную свиту изъ киргизовъ, чтобы тамъ нагляднымъ образомъ познакомить ихъ съ лучшимъ бытомъ; обратилъ вниманіе на качество и улучшеніе костюмовъ и чистоту въ домахъ; завелъ въ ставкѣ сласар-

ныхъ, столарныхъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, у которыхъ учениками были киргизы; хотѣлъ приучить киргизовъ къ хлѣбопашеству; съ этою цѣлію предлагалъ бѣднымъ киргизамъ орудія и средства, но это рѣшительно не пришло къ киргизамъ. Они выдумали, что хлѣбопашествомъ занимаются русскіе, отправляющіе рекрутскія повинности, и чтобы за сходство занятій не попасть подъ одну съ ними категорію, отказались отъ принятія ханскихъ даровъ и долженій. По случаю бѣдствій ханши Фатимы, покойный ханъ ѣздилъ на Пятигорскіе горячіе ключи. Туда забиралъ онъ съ собой до 70-ти человекъ киргизовъ почетныхъ и прислуги, которые ознакомись тамъ съ красивымъ черкесскимъ одѣяніемъ, съдельнымъ приборомъ и превосходнымъ оружіемъ. Все это не замедлило киргизы усвоить. Оттуда ханъ привозилъ сюда одного черкеса съ семействомъ, жена котораго обучала здѣшнихъ ковокъ черкесскаго галуна. Съ этого времени стала появляться у насъ серебряная работа подѣль черною. Потомъ онъ выискалъ, съ Кавказа и изъ русскихъ заводовъ, хорошихъ жеребцовъ, которыми дарилъ усерднѣйшихъ и почетнѣйшихъ орднцевъ. И въ улучшеніи породы лошадей и верблюдовъ ханъ Джангеръ оказалъ для ордъ великія услуги. Ханъ приглашалъ въ ставку и показывалъ киргизамъ трупу акробатовъ, гимнастикомъ и вольтажеровъ. Это вмѣстѣ съ музыкальными инструментами органы и фортепiano, очень зашло киргизовъ и дало воображенію ихъ новое движеніе. Въ ставкѣ, въ день имянннхъ и коронаціи государя, дѣлались великолѣпные фейерверки, что казалось киргизамъ чудомъ области цѣлѣгого мѣра. При ханѣ посѣщали ставку небольшіе звѣрнцы. У хана по-русски обучались и дочери. Я помню, что красивое ихъ писемъ приносили въ школу вмѣсто прописи. Въ домѣ хана были поставлены бильярдъ, имѣлся также русской буфетъ со всеми принадлежностями лучшаго гастрономическаго стола. Прислужники были всѣ изъ киргизовъ, кромѣ одного татарина и русскаго; былъ у него и горничная дѣвка изъ русскихъ. При немъ чрезвычайно улучшился и переѣхался женскій костюмъ киргизокъ; онъ представлялъ среднее между русскими и татарскими одѣяніемъ женщинъ. Съ расширеніемъ предѣловъ знанія религій и подѣльннхъ татарскаго оной толкованія, у знатныхъ орднцевъ появилось затворничество-женщины. Въ сущности же, по магометанскому закону, кочевые народы отъ затворничества избавляются. При такомъ господствѣ шариата, правителя магометанскаго вѣрноповѣданія, муллы усилились значительно, образовали касту, стали входить въ разборъ мірскихъ споровъ и тяжбъ, и сдѣлались самыми безопасными существами въ хозяйственныхъ занятіяхъ. Кромѣ молель въ избыточные часы и обученія дѣтей, они и до сихъ поръ почти ни-

чего не дѣлаютъ. Впрочемъ, прежде ихъ настоящаго усенія, они держались въ домѣ въ качествѣ домашнихъ слугъ, и отпирывали въ то же время учительскую обязанность. По тогда и они въ свою очередь обманывали киргизовъ. Такъ какъ большая часть изъ нихъ были изъ временнаго и безъ дозволенія начальства проживавшихъ татаръ, то эти странники сочинили молитвенники на узенькихъ, но длинныхъ листахъ бумаги для ношенія въ особомъ мѣшочкѣ на шеѣ за синней или на груди на поясокѣ чрезъ плечо, которые продавались киргизамъ каждый за одного 2-хъ-одовалаго бараана. Это было совершенно тоже, что у западныхъ европейцевъ являлось подѣль называемъ индульгенціи. У насъ они назывались «бой-тумарь». Имъ приписывалось освобождающее отъ грѣховъ свойство тому, кто будетъ или носить эту грамоту при себѣ, или кто прочтетъ ее хотя одинъ разъ въ жизни, или послушаетъ, какъ будетъ читать другой, или же, за неумѣиємъ читать, хотя разъ посмотритъ на тѣ молитвы, изукрашенныя красными и желтыми чернилами. Но съ распространеніемъ знанія шариата эти грамоты потеряли прежнее уваженіе къ нимъ народа. Впрочемъ, и въ настоящее время еще кое гдѣ, въ глухихъ мѣстахъ ордъ, можно встрѣтить ихъ въ вышитыхъ золотомъ и серебромъ футлярахъ на синнѣ или на груди киргизскихъ дѣлокъ и молодыхъ парней. По теперь они поселятъ болѣе для украшеній. Я помню, какъ-то въ концѣ сороковыхъ годовъ они являлись въ печатномъ видѣ на изукрашенныхъ разными узорами листахъ бумаги и продавались по 30 и 40 к. сер. На этотъ разъ они особенныхъ приверженцевъ много найти не могли и въ настоящее время ихъ встрѣчаешь въ рѣдкихъ и то татарскихъ домахъ. Вообще татары всѣми этни и другими мѣшечничествами такъ много уронили себя, что ими совершенно пренебрегають киргизъ и не признають ихъ за людей. Кромѣ этого, они, еще по существующему гордому понятію о достоинствѣ народа, называютъ татаръ корпоухими рабами. Надобно замѣтить, что этими словами киргизы бранятся со всѣми людьми, другой націи; и эта гордость и понятіе, мнѣ кажется, составились и остались у нихъ со времени могущества монголовъ, когда, можетъ быть, вмѣстѣ съ ними киргизы, покоряя сѣдннхъ народы, обрѣзывали имъ уши и дѣлали ихъ рабами. Теперь конечно эти слова произносятся только по привычкѣ, а въ сущности потеряли значеніе и силу. Русскихъ хотѣ въ гнѣбѣ такъ же бранять киргизы, но въ душѣ очень хорошо убѣрены въ ихъ силѣ и могуществѣ.

Кромѣ вѣкъ этихъ толчковъ была еще одна и самая сильная это — торговля. Сначала предѣлы ея были очень ограничены. Киргизы продавали только скотину и покупали муку, сама грубая бумажная издѣлія и юфть русскихъ,

бухарскіе и хиванскіе халаты и подушелковыя матеріи. Для покупокъ этой въ мѣста продажи отправлялись немногіе, большая часть оставалась въ аулахъ, прозвѣн «базарчѣиъ» — привести и имъ нужное. Если же забѣжалъ въ аулъ какой нибудь торговецъ, то онъ обиралъ всѣхъ какъ ему вздумалось. Самимъ же киргизамъ бѣжать на базары, въ города и селенія, казалось самымъ труднымъ дѣломъ. Въ селеніяхъ киргизы такъ стѣснились, что возвращаясь домой торжествовали какъ воинъ послѣ победы, «по нѣсколькѣ дней отдавали безъ саенгобѣ». И домашніе, завидя въ издали возвращеніе базарчѣиъ, выбѣгали и младъ и старъ навстрѣчу имъ: жены тутъ пускались въ слезы, дѣти бросались на шею возвратившагося. Затѣмъ раздвигая домашнимъ базарыкъ «гостиницѣ съ базара». Тогда была поговорка: три дня не спрашивай ума и совѣтовъ у того, кто былъ на базарѣ въ городѣ. Въ самомъ дѣлѣ стеникъ, являясь въ городъ, терялся въ удивленія и смущенія при видѣ улицъ, домовъ, движенія людей и экипажей. Онъ старался скорѣе отыскать рынокъ, закупить, что необходимо, и скорѣе улизнуть въ отдаленный аулъ. Тогда и скота гоняли для продажи столько, сколько нужно было на покупку необходимыхъ вещей. Русскіе гуртовщики сами приѣзжали съ вожакомъ въ аулъ зажиточныхъ киргизовъ и едва уговаривали этихъ продать что побольше. Рубитники, увидѣвъ русскихъ гостей, прятались за спины матерей отъ страха. Издали они высовывались смотрѣть на русскаго. Чашу, въ которой подавалась русскому пища, послѣ вымывали. Не могли они равнодушно видѣть странной, блокурный цвѣтъ лица, вылученные, какъ у филина, голубые глаза, а торчащіе на голодѣхъ клочки волосъ мочальнаго цвѣта имъ напоминали вѣдьму и шайтановъ. Съ появленіемъ большіихъ потребностей въ русскихъ издѣліяхъ, въ особенности при ханѣ Джангерѣ, киргизы, преодолевъ страхъ и смущеніе отъ городской жизни, стали поневолѣ чаще и больше посѣщать селенія, ярмарки и города, сходитья тѣснѣе съ торговцами, вникать въ стоимость и качество товаровъ, учиться говорить по-русски хотя на столько, «чтобы можно было вырочить хлѣба». Наконецъ, убѣдившись въ невозможности существовать безъ русскихъ производителей и произведетій, стали тѣснѣе сходитья съ русскими и дорожить ихъ знакомствомъ и доверіемъ: старались всегда оставаться исправными платежщиками долговъ; на случай займа не совершали никакихъ письменныхъ актовъ, и все-таки лѣтъ 45 были исправными платежщиками; только въ послѣднее время, нахватавшись татарскихъ уловокъ, многіе стали дѣлать проводокъ въ уплатѣ; но случаи, въ которыхъ киргизы отказывались отъ долга, были чрезвычайно рѣдки. Ханъ видѣлъ, что торговцы, ски-

таясь съ товаромъ по степи, могутъ или вводить киргизовъ въ искушеніе, или обирать ихъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, видѣлъ также, какъ прешаствуетъ движенію торговли трудность поспѣшенія киргизами осѣдлыхъ мѣстъ, потому для того, чтобы и въ этомъ тоже способствовать успѣху дѣла сообразнымъ съ потребностью киргизовъ путемъ, учредить при своей ставкѣ двѣ ярмарки въ годъ. Ярмарки эти, одна весной въ маѣ, другая осенью въ концѣ сентября, продолжались отъ 10 до 30 дней. Первая предназначалась для того, чтобы доставить обезпеченіе покупокъ на все лѣто; вторая — на всю зиму. Тутъ уже киргизы стали встрѣчать русскихъ, татаръ, армянъ и другихъ торговцевъ, хотя въ такомъ же множествѣ, какъ въ городахъ, но въ срединѣ степи, отчего стали свободнѣе всматриваться въ товаръ и торговлю. Мѣна почти прекратилась, а продавали скотъ на деньги и потомъ на нихъ стали покупать товаръ. На ярмарки начали являться безъ церемоній дикости и киргизки и киргизята. Открылись также своего рода полезныя занятія для бѣдныхъ, которые проводили всю жизнь въ бѣдности отъ лѣни и бездѣлья. Однимъ словомъ, развернулася настоящая жизнь, оживленная интересомъ каждого и разнообразнымъ движеніемъ и смѣшеніемъ народностей. Уже послѣ порядочной торговой сдѣлки киргизъ очень охотно сталъ пить и бѣтъ изъ одной чашки; русскіимъ, совершенно забывъ свою прежнюю прожорливость. Торговля открыла что у русскихъ меньше жадности къ барышамъ, чѣмъ у татаръ и армянъ. Послѣднимъ киргизы ни въ чемъ не вѣрять, во-первыхъ потому, что они сами заслужили это своимъ мошенничествомъ и обманомъ, во-вторыхъ, по-словицѣ, что армянинъ обмануль чорта. Всматривалась ближе и глубже въ торговлю, киргизы съ удивленіемъ увидѣли, что все ненужное для нихъ: кожи, шерсть и вольсть, у торгующихъ обращается въ деньги. Мы знаемъ не одного богача-торговца, который разжился отъ этихъ товаровъ. Явилось пониманіе, что, кромѣ приѣзжающихъ, есть дѣла другіе торговцы, у которыхъ и товаръ дешевле и киргизскія произведенія принимаются дороже. Болѣе восприимчивые люди бросались туда съ цѣлюю собственннхъ покупокъ и продажи и изъ торговыхъ расчѣтовъ. Такъ, лѣтъ 15 гонать верблюдовъ въ Оренбургъ, гдѣ выручаютъ денегъ въ полтора раза болѣе мѣстной продажи. Теперь всѣ ярмарки кругомъ орды верстъ на 900 извѣстны киргизамъ наперечетъ: всадъ они бываютъ и почти всегда выигрываютъ.

Р. С. Этихъ еще не конченъ мой очеркъ. Съ будущей почтой вы получите продолженіе. Извините за небрежность, т. е. нечитостію письма. Я пишу прямо на эти листы и стараюсь только передать вамъ предметъ вѣрно. Я буду очень радъ, если этии листками доставлю вамъ удовольствіе и если изложеніе ихъ вы найдете понятнымъ для себя.